

**M.TSVETAeva`S PERCEPTION OF
PERSONALITY AND WORKS OF A. PUSHKIN**
(VOSPRIYATIE M. TSVETAeVOI LICHHNOSTI I TVORCHHESTVA
A. PUSHKINA)

*DISSERTATION SUBMITTED TO JAWAHARLAL NEHRU
UNIVERSITY IN PARTIAL FULFILMENT OF THE REQUIREMENTS
FOR THE AWARD OF THE DEGREE OF*

MASTER OF PHILOSOPHY

KUMAR KAUSTUBHA

**CENTRE OF RUSSIAN STUDIES,
SCHOOL OF LANGUAGE, LITERATURE AND CULTURE STUDIES,
JAWAHARLAL NEHRU UNIVERSITY,
NEW DELHI - 110067**

1999

**ВОСПРИЯТИЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ ЛИЧНОСТИ
И ТВОРЧЕСТВА А. ПУШКИНА**

ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ УЧЁННОЙ СТЕПЕНИ

M. PHIL.

КУМАР КАУСТУБХА

Научный Руководитель: проф. В. Синх

**Центр Русских Исследований
Университет им. Дж. Неру,
Нью Дели-110067**

1999

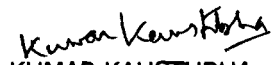
DECLARATION

I HEREBY DECLARE THAT THE RESEARCH WORK EMBODIED IN THIS DISSERTATION ENTITLED "**VOSPRIYATIYE M. TSVETAEOVI LICHHNOSTI I TVORCHHESTVA A. PUSHKINA**"(**M.TSVETAEVA'S PERCEPTION OF PERSONALITY AND WORKS OF A. PUSHKIN**) HAS BEEN CARRIED OUT AT THE CENTRE OF RUSSIAN STUDIES , SLL & CS , J. N. U., NEW DELHI, IN PARTIAL FULFILMENT OF THE REQUIREMENTS FOR THE AWARD OF THE DEGREE OF MASTER OF PHILOSOPHY.

THIS WORK IS ORIGINAL AND HAS NOT BEEN SUBMITTED SO FAR, IN PART OR IN FULL, FOR AWARD OF ANY DEGREE OR DIPLOMA OF ANY UNIVERSITY.

Prof. VARYAM SINGH
SUPERVISOR

KUMAR KAUSTUBHA
STUDENT'S SIGN.

CHAIRPERSON'S SIGN.

CRS/ SLL & CS/ J.N.U.
NEW DELHI -110067

Благодарность

Я считаю своим долгом выразить искреннюю признательность моему научному руководителю проф. В. Синху за общее руководство и помощь в осуществлении этой работы.

Я также благодарен другим преподавателям центра русских исследований, в частности проф. Амару Басу и проф. Р.Н. Менону.

Я также благодарен Шелли Джайн и Дхирендр Кумару за оказанную ими помощь в чтении рукописи данной работы.

Я ещё хотел бы принести свою сердечную благодарность моим родным, друзьям и коллегам за их постоянную моральную поддержку.

Я также очень благодарен Ананду Равату за печатание диссертации.

Я также выражаю свою благодарность Комиссии по Высшему Образованию (U.G.C.) за степендию, без которой настоящая работа не могла бы увидеть свет дня.

...to MADHU and MONA JAIN

СОДЕРЖАНИЕ

1.	ВВЕДЕНИЕ	1
2.	ГЛАВА-I	5
3.	ГЛАВА-II	26
4.	ГЛАВА-III	44
5.	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	57
6.	БИБЛИОГРАФИЯ	60

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена изучению восприятия М. Цветаевой личности и творчества А. Пушкина.

А.Пушкин и М. Цветаева являются известными именами не только в русской, но и в мировой литературе. А Пушкин был одним из величайших поэтов и прозаиков XIX века. Много исследований уже посвящено изучению различных аспектов его творчества.¹ Тем не менее интерес к А. Пушкину продолжается постоянно. Это год т.е. 1999-ый год двухстолетия со дня рождения А. Пушкина, что представляет собой своего рода свидетельство появления очень много работ о А. Пушкине. М. Цветаева является одним из величайших поэтов 1-ый половины XX-ого века, т.е. периода великих перемен в истории России. Большая часть прозы М. Цветаевой посвящена мемуарам и биографиям поэтов – писателей т.е. А. Пушкина, Б. Пастернака, О. Манделштама, и.т.д.

В настоящей работе мы собираемся сосредоточить наше внимание на восприятие личности и творчества А. Пушкина М. Цветаевой т.е. восприятие одного великого поэта XIX века одним из самых талантливых и чувствительных поэтов XX века.

Это восприятие изучается на основе таких произведениях о А. Пушкине, как «Мой Пушкин», «Пушкин и Пугачёв» и стихотворений, посвященных А. Пушкину. Это восприятие не было статичным и

¹ См. Библиографию.

развивалось как процесс эволюции, который соответствовал идейно-эстетическому развитию М. Цветаевой как человека и поэта.

Это изучение носит важное значение с точки зрения «пушкиноведения» вообще и в частности восприятия М. Цветаевой жизни и творчества А. Пушкина. Большой интерес представляет собой не только механизм восприятия, но и вклад М. Цветаевой в методологию изучения А. Пушкина. Такая методология обогатила опыт восприятия А. Пушкина. Такая методология могла бы возникнуть только у такого художника как М. Цветаев, а не у историков литературы или у критиков оба, и А. Пушкин и М. Цветаева уже много изучены и ещё изучаются отдельно как в России так и за рубежом. Но, ещё не достаточно глубоко изучены произведения М. Цветаевой о А. Пушкине. Особенно, до сих пор нет отдельной самостоятельной работы, посвященной изучению произведений М. Цветаевой о А. Пушкине. Нами были рассмотрены работы великих ученых цветаевского творчества как А. Саакяни, А. Павловский, В. Цвейцер и др. В работах всех этих ученых изучение произведений М. Цветаевой не занимает главное место. Все эти учёные сосредоточены на жизнь и творчество М. Цветаевой. Кроме этих писателей нами были рассмотрены и сочинения Е. Евтушенко, Ал. Михайлова и Вл. Орлова, о М. Цветаевой. Пушкинская тема в творчестве М. Цветаевой не изучены отдельно. Кроме стихотворений, М. Цветаева написала и прозаические произведения. Но, она всемирно признана как поэт. При этом как будто забываются достижения М. Цветаевой в области прозы. Кроме биографических произведений М. Цветаевой также написаны ряд критических работ, как «Поэт и время», и «Поэты с историей и поэты без истории».

В настоящей работе нами сделана попытка изучения произведений М. Цветаевой о А. Пушкине. Нами также рассмотрена поэзия М. Цветаевой посвященная А. Пушкину. Мы пытались установить своеобразие восприятия личности и творчества А. Пушкина М. Цветаевой в его эволюционном аспекте и соотносить эту эволюцию с характерными чертами идеологического и эстетического роста М. Цветаевой, которые нельзя определить без изучения таких великих событий I-ой половины XX-ого века как – I-ая мировая война, Октябрьская революция, иммиграция белой части интеллигенции из России и Вторая мировая война и.т.д.

Наша работа состоит из трёх глав, введения, заключения и библиографии. В первой главе нами рассмотрен характер восприятия личности А. Пушкина – на основе биографического очерка М. Цветаевой «Мой Пушкин». Мы видим отражение восприятия не только четырёхлетней девочки, но и зрелой писательницы. Изучение этого восприятия является целью этой работы. В этой главе изучены различные аспекты восприятия А. Пушкина М. Цветаевой как человека и как поэта. Во второй главе вместе с другими проблемами обсуждается проблема диалектики «историчности» и «художественности» на основе сравнения исследовательской работы А. Пушкина «История Пугачева» и его повести «Капитанская Дочка», в которой Пугачев является центральным персонажем. Перед нами два Пугачева – как реально существовавшая историческая личность и как художественный образ. В этой главе нами изучены разные стороны восприятия М. Цветаевой произведений А. Пушкина.

Третья глава посвящена анализу стихотворений посвященных А. Пушкину. В этой главе мы постарались определить характерные черты образа А. Пушкина как он создан в стихотворениях М. Цветаевой. Перед нами А. Пушкин встаёт как единомышленник и старший брат М. Цветаевой по перу. В этих стихотворения мы видим, как М. Цветаева ищет соотношение А. Пушкина с Петром Великим.

В заключении нами обобщён опыт нашей работы над вопросам о характере восприятия А. Пушкина М. Цветаевой.

ГЛАВА-I

Будучи самым знаменитым поэтом – писателем России XIX-ого века, А. Пушкин представляет собой удивительное единство заветных стремлений личности и эпохи. А. Пушкин охватил в своём творчестве прошлое и настоящее России, учил жить полнотой национальной и общечеловеческой жизни. Благодаря своей универсальной пытливости и отзывчивости он обогатил Россию всемирным эстетическим опытом, как справедливо отмечает один из крупных ученых, «он сделал русских способными сопереживать духовным стремлениям Античности и Ренессанса, Просвещения и Новейшего времени.»¹ О А. Пушкине писали и в России и зарубежом, и современники и потомки, среди которых есть и М. Цветаева, влистящая и талантиливая поэтесса XX-века. М. Цветаеве пришлось провести большую часть своей жизни вне России, зарубежом. Значительная часть её творчества посвящена А. Пушкину.

К первому столетию смерти А. Пушкина в 1937 году появлялось биографическое произведение поэтессы М. Цветаевой «Мой Пушкин». Оно занимает особое место в творчестве М. Цветаевой. Заглавие произведения, как пишет критик В. Цвейцер, начинается с указательным местоимением «мой». Использование этого указательного местоимения вводит читателя к индивидуальному и субъективному восприятию А. Пушкина. Конечно, каждый биограф постарается принести

1 Кулышов, В.И., История Русской Литературы X-XX века, Москва, Русский Язык. 1989, стр. 158.

перед читателям свое индивидуальное и субъективное мышление кроме объективного или на основе объективности. М. Цветаева является такой же, не разной.²

В произведении М. Цветаевой получается не только пушкинская жизнь, но и жизнь самой М. Цветаевой. Глазами четырёхлетней возрастной девочки показывается А. Пушкин. Это рассказ девочки, её поездка с той комнаты, где висит картина Наумова («Дуэль») до моря пушкинского, до моря свободной стихии для будущей поэтессы. Путешествие Марины начинается с так называемой «Красной комнаты» где стоял «Тайный шкаф» и висела картина «Дуэль», в спальне матери. С этого целый путь т.е. произведение М. Цветаевой в виде девочки отделяется на частей более двадцати. Начиная с видения картины «Дуэль» развёртывается вся тайна, о которой пишет М. Цветаева. Со самого начала до конца этого произведения мы отмечаем эволюцию на разных уровнях – эволюцию восприятия А. Пушкина девочкой – Мариной; эволюцию восприятия будущей писательницы М. Цветаевой. Процесс этой эволюции будет подробно анализирован нами в этой работе.

Увидев картину «Дуэль» девочка Марина узнала, что поэта А. Пушкина убили в живот. Тут следует подчеркнуть значение трёх слов т.е. значение поэта, убийства и живота, потому что они являются очень важными для М. Цветаевой. Впервах берём «живот». Это слово носит очень большое, хотя бы очень простое значение для такой маленькой девочки, как Марина. Слово живот является

2. Цвейцер, В., Быт и бытие Марины Цветаевой, Москва, СП ИНТЕРПРИНТ 1992, стр. 401.

связанным обычно со словом голод по значению. Но, для маленькой девчонки «болит живот» является более нормальным, как сама М. Цветаева пишет, «... в слове живот для меня что-то священное, - даже простое «болит живот» меня заливают волной содрогającego сочувствия, исключаящего всякий мир».³ Также как «живот» другие слова «поэт» и «убийства» тоже привлекают внимание читателя. У девчонки Марины мы становимся свидетелями того чувства родного, что является характерным для других поэтов по отношению к другим собратам по перу. Такое же чувство и можно отметить у детей, которые даже не знают, что такое поэт, но имеют какое-то представление о поэте. Хотя ещё она знает только, что поэт пишет стихи. Детское восприятие М. Цветаевой есть такое, как «Дантес возненавидел поэта потому что сам не мог писать стихи ...».⁴ А. Пушкин пишет стихи. А. Пушкин – первый поэт для Марины, которого «убили». Она лучше понимает слово «убийство» чем слово «поэт». Она знает, что убийство – это черное дело, которое совершается на черного человека которого она любит больше всех. Вместе с вышеуказанными словами становится ясным и значение слова «чернота». Африканское происхождение А. Пушкина ведёт Марину к «черноте». Хотя, она видит в картине убийство поэта, что для неё является черным делом, но, с этого начинается её любовь к А. Пушкину – черному, она начинает любить всё то, что является чёрным вместо белого, которое является всемирно признанным символом чистоты и всего хорошего – вместо «белой фарфоровой куколки» она выбрала «черный памятник – Пушкина», являющегося символом высокой надежды, высочайшего достижения, которые

2 Цветаева, М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 302

3 Там же.

введут её к любви к черному поэту А. Пушкину, которого убил «чернь» – «Памятник Пушкина был и моей первой встречей с черным и белым: такой черный! такая белая! – и так как черный был явлен гигантом, а белый – комической фигуркой, и так как непременно нужно выбрать, я тогда же и навсегда выбрала черного, а не белого, черное, а не белое: черную думу, черную долю, черную жизнь.⁵

Кроме комнаты «спальной» матери, находившейся недалеко от дома Цветаевых памятник Пушкину является тем, что произвел огромное впечатление у Марины, четырехлетней девушки. В жизни Марина переживала многое через этот памятник. Она идет с неодушевленного изваяния до живого пушкинского памятника т.е. видит сына А. Пушкина, который очень похож на самого А. Пушкина.

В произведении М. Цветаевой «Мой Пушкин» посвящены три главы рассказу о пушкинском памятнике. В этом рассказе отражены восприятия не только девочки но и взрослого человека. Взрослая писательница М. Цветаева не могла оставить себя в стороне и иногда она вводит читателя в другой мир. В этом случае возникает вопрос: разве это детское восприятие? Можно сказать, что это всё является воспоминанием детских дней. Девочка Марина выходит из материнской комнаты и приходит к А. Пушкину – памятнику. У этого памятника она испытывает многое. «Памятник – А. Пушкина был цель и предел прогулки» - она пишет. А можно сказать А. Пушкин был цель и предел Марины – поэтессы XX века. А. Пушкин является для неё гигантом, главным достижением, доступа до которого она ищет всегда. В этой прогулке «от памятника – Пушкина до памятника –

Пушкина» состоялась первая встреча с разнообразием, даже с миром. М. Цветаева пишет, что «Первый урок числа, первый урок масштаба, первый урок материала, первый урок иерархии, первый урок мысли и, главное наглядное подтверждение всего моего последующего опыта: из тысячи фигурок даже одна на другую поставленных, не сделаешь А. Пушкина».⁶ Это первая встреча девочки вошедшей в жизнь человека, в самую материальную жизнь. Её встреча с жизнью человека состоит через Пушкинский – памятник или яснее, через А. Пушкина. Немного позже в рассказе о памятнике – Пушкина мы отмечаем серьёзный процесс мышления со стороны М. Цветаевой когда речь идёт о её любви к черноте, к неграм. Она пишет: «Памятник – Пушкина» я любила за черноту – обратную белизне наших домашних богов. У тех глаза были совсем белые а Памятник – Пушкина был совсем черный, как собака, еще черней собаки потому что у самой черной из них всегда над глазами что-то желтое или под щеей что-то белое. Памятник А. Пушкина был черный как рояль. И если бы мне совсем не сказали, что Пушкин – негр, я бы знала, что А. Пушкин – негр».⁷ Нельзя не отметить, что такое восприятие не восприятие четырёхлетней девочки, а это восприятие взрослой писательницы М. Цветаевой. Хотя – она постарается оставить себя недалеко от детской психики указав на такие предметы как «собака» и «Рояль». Очень серьезно М. Цветаева думает над социальным проблемам. Эволюция её мышления мы отмечаем в следующих обзацах, когда она пишет о расизме: - «Под памятником Пушкина

⁵ Цветаева М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 306.

⁶ Там же, стр. 306.

⁷ Там же, стр. 307.

росшие не будут предпочитать белой расы, а я – так явно предпочитаю – черную. Памятник Пушкина, опережая события, – памятник против расизма, за равенство всех рас, за первенство каждой – лишь бы главного гения».⁸ Говоря о расизме она вводит читателя в историю: «Памятник Пушкина есть памятник черной крови, влившейся в белую... Памятник Пушкина есть живое доказательство низости и мертвости расисткой теории, живое доказательство – её обратного, Пушкин есть факт, опрокидывающей теорию. Расизм... Так что дети, под петербургским фальконетовым медным всадником росшие, тоже росли под памятником против расизма – за гения».⁹ Такое понимание расизма Мариной и гениальности А. Пушкина нельзя ожидать у четырёхлетней девочки. Это не естественно детское восприятие. Когда мы читаем это произведение М. Цветаевой, нам кажется, что она поставила перед собой свою главную цель показать свое отрицательное отношение к расизму.

Выражения о черноте и «сделать черным», «черный Пушкин», «дать Москве лоскут абиссинского неба» и т.д. связаны со «свободной стихией». Из мысли свободы и возникает мысль «гиганта поставить среди цепей» т.е. Пушкина поставить среди цепей любви. Свобода становится важнее потому, что А. Пушкин является певцом свободы. Следует вспомнить высказывание Виктории Цвейцарии, что «Пушкин – главное достижение для Цветаевой».¹⁰ Вышесказанное относится не только к А. Пушкину, а к свободе, к черному Пушкину. Конечно, и

8. Цветаева М. Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 307.

9. Там же, стр. 307.

зрелая писательница М. Цветаева и четырёхлетняя девочка Марина одинаково восхищаются, и очарованы жизнью чёрных людей, насыщенных свободой. Значительная часть творчества самого А. Пушкина посвящена изображению свободных людей. Все цепи сломаются даже чувством свободы. М. Цветаева пишет в следующем авзаце: - «но с цепями и камнями – чудный памятник. Памятник свободе неволе - стихии , судьбе – и конечной победе гения: Пушкину, восставшему из цепей».¹¹ Раскрытие творческой гениальности А. Пушкина является главной целью М. Цветаевой. Девочка Марина хотела стать творцом против желания матери. А. Пушкин был любимым поэтом Марины. В чём состоит гениальность А. Пушкина? Ответ на этот вопрос мы находим у известного критика Генериха Волкова: - «Гений не появляются в одиночку. Их обычно именно целая плеяда. Вокруг неё всегда круг талантливейших людей, почти равных гениям. Но, это «почти», это «чуть-чуть», как правило, и не замечаемое современниками, всё-таки дистанция огромного масштаба... созвездия гениев появляются в истории в определенные природы, словно вспышками, которые то разгораются, то почти совсем затухают... Может быть, все эти вспышки гениальности в истории общества объясняются просто? Так сказать, счастливым соединением генов... Но сама гениальность, может быть, в том и заключается, чтобы почувствовать и понять этот ветер истории. Чтобы действовать в соответствии с ним. Более того, чтобы раздувать этот ветер: иначе он сам задует искры гениальности. Не в этом ли и заключается «Судьба» гения?... Гений Пушкин уникален в

¹⁰ Цвейцер. В., Быт и бытие Марины Цветаевой, Москва, СП ИНТЕРПРИНТ, 1992, стр. 399.

¹¹ Цветаева М. Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 308.

мировой истории. И хотя рядом с ним были поэты выдающиеся, никто из них заменить Пушкина, конечно, не мог. Ни Жуковский, ни Дельвиг, ни Баратынский, ни Языков, ни даже великий Лермонтов, быть может, не уступающий по гениальности Пушкину».¹²

Такого гения А. Пушкина М. Цветаева воспринимает как «гиганта» и немного позже он становится самым любимым «моим Пушкиным», - «Ты теперь не прежний Пушкин – мой Пушкин».¹³ И конечно, гениальность А. Пушкина заключается в его словах, оправдывающих её:-

И долго буду тем любезен я народу,

Что чувства добрые я лирой пробуждал,

Что в мой жестокий век восславил я свободу.

И милость к падшим призывал.¹⁴

Таким же добрым чувством свободы насыщена жизнь М. Цветаевой и почти в такой же жестокий век прожила она в какой и А. Пушкин. Это одно из обстоятельств что делает А. Пушкина для М. Цветаевой одним из самых значительных поэтов.

¹² Волоков, Генерих, Мир Пушкина, Москва, «Молодая Гвардия», 1989, стр. 14.

¹³ Цветаева М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 308.

¹⁴ Там же, стр. 309.

В следующей части мы отмечаем то, что заставляет М. Цветаеву представлять себя перед «живым памятником А. Пушкина». Она с большим интересом изображает как к ним проходил сын А. Пушкина. Он оставил глубокий след в её памяти. Она пишет, : «... сын Памятник –Пушкина превратился в сам Памятник–Пушкина. К нам в гости приходил сам Памятник – Пушкина.

И чем старше я становилась, тем более это во мне, сознанием, укреплялось: сын Пушкина – тем, что был сын Пушкина, был уже памятник. Двойной паятник его славы и его крови. Живой памятник. Так что сейчас, целую жизнь спустя, я спокойно могу сказать, в конце века, в одно холодное белое утро пришёл Памятник – Пушкина»¹⁵

Девочка осознаёт, что сын А. Пушкина, живой человек, а не памятник, потому что когда она глядела на него, в её сознании был тот Пушкин т.е. чёрный памятник Пушкину на Тверском бульваре, о котором уже она много думала.

Рассказ М. Цветаевой, четырёхлетней девочки идёт дальше. Нам приходится сосредоточить себя на одном из главных аспектов восприятия М. Цветаевой А. Пушкина. Это восприятие творчества А. Пушкина, восприятие характеров, созданных им. Следующая часть начинается «вопросом» этого произведения, ответ на этот вопрос ещё не найден. Этот вопрос был: «Что же тайна красной комнаты?».¹⁶ М. Цветаева постарается ответить, но неопределенно –

¹⁵ Цветаева М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 310.

¹⁶ Там же, стр. 311.

«Ах, весь дом был тайный, весь дом был – тайна!»¹⁷ Кроме картин в материнской комнате был и «запертый шкаф», где лежал собрание сочинений А. Пушкина. Это собрание сочинений А. Пушкина открывало перед ней новый мир, о котором идёт речь дальше.

Первым прочитанным М. Цветаевой произведением А. Пушкина является «Цыганы». Другое произведение, которое оказало большое влияние на неё это «Евгений Онегин». Даже одна часть этого произведения являлась такой значительной, что имела большое воздействие на шестилетней девушке. Между тем идёт речь об одном из главных действующих лиц пушкинского произведения «Капитанской Дочки». При разговоре с няней младшей сестры Аси про цыганах немного раньше приходил слово «любовь», что является главным пунктом, даже, можно сказать, заключением. В тот же момент, когда она прочитала произведение «Цыганы» А. Пушкина, она стала понимать такие человеческие чувства, как любовь и зло. Эволюцию этого и мы обнаруживаем в следующих страницах произведения. Она пишет, «но вот совсем новое слово - любовь. Когда жарко в груди, в самой грудной ямке (всякий знает!) и никому не говоришь – любовь. ... А я влюблена – в «Цыган» : в Алеко, и в Земфиру, и в ту Мариулу, и в того Цигана Что тайна: моя – с красной комнатой, моя – с синим томом, моя с грудной Ямкой».¹⁸ Это восприятие любви М. Цветаевой в вышеуказанном выражает её понимание этого чувства и то, что её придётся готовить границу между детьми и взрослыми. Она также понимает, что любовь – это

¹⁷ Цветаева М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 311.

¹⁸ Там же, стр. 312.

такое чувство, что должно быть тайным и нельзя сказать об этом. Является ли это восприятие пятилетней девочки? Ответ на этот вопрос не ясен во всем произведении «Мой Пушкин», но тем не менее постараемся найти этот ответ.

Это не одностороннее, а многостороннее понимание любви. Есть разные слои, разные степени любви у М. Цветаевой. Одну из них мы видим в следующей части произведения «Мой Пушкин», когда речь идёт о «Вожатом». Она пишет: «Пока же скажу, что Вожатого я любила больше всех и незнакомых, больше всех любимых собак ... И если я полным голосом могла сказать, что в тайном шкафу жил – Пушкин, то сейчас только шепотом могу сказать: в тайном шкафу жил – Вожатый».¹⁹

Она понимает Пушкина как вожатого. Она начала понимать А. Пушкина как вожатого литературного пути. И так рождается у неё любовь к А. Пушкину и к созданному им характеру «Пугачева». До этого речь идёт о любви, где мы видим эволюцию процесса мышления М. Цветаевой. От романтической любви цыган она переходит медленно к серьёзным сторонам жизни. От любви к вожатости А. Пушкина она переходит к «чувству страсти», к которой ее отношение является важным. Она пишет, «Мать не поняла, мать услышала смысл и, может быть, вознегодовала правильно. Но, поняла – неправильно. Не глаза – страстные, а «я» чувство страсти, вызываемое во мне этими глазами (и розовым газом, и нафталином, и словом Париж, и делом сундук, и недоступностью для меня куклы),

¹⁹ Цветаева М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 315.

приписала –глазам. Не я одна. Все поэты. (А потом streпятся – что кукла не страстная!) Все поэты, и Пушкин первый».²⁰

Так нам ясно, что глаза являются таким чудесным органом человеческого тела, в которых отражаются все чувства, появляющиеся у человека. Поэтом является тот, кто может захватывать все эти чувства и может привести их в порядок с помощью слов. А. Пушкин был первым таким поэтом, кто успешно мог завершить процесс творения.

Более серьёзный опыт цветаевской любви мы отмечаем, когда ей было только шесть лет. Она пишет, что «ей очень нравилась сцена из «Евгения Онегина». Людям не было понятно, почему ей нравится сцена «Татьяна и Онегин» и про неё говорили – «Опозорила!!»... не поблагодарила за мандарин! Как дура шести лет – влюбилась в Онегина!».²¹ Но она ответила иначе, «Мать ошибалась. Я не в Онегина влюбилась, в Онегина и в Татьяну (и, может быть, в Татьяну немножко больше), в них обоих вместе, в любовь. И ни одной своей вещи я потом не писала, не влюбившись одновременно в двух (в неё - немножко больше), не в них двух, а в их любовь, в любовь».²²

Тут же есть её признание: «Эта первая моя любовная сцена predeterminedила все мои последующие, всю страсть во мне несчастной, невзаимной, невозможной любви. Я с той самой минуты

²⁰ Цветаева М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 315.

²¹ Там же, стр. 317.

²² Там же, стр. 317.

не захотела быть счастливой и этим себя на нелюбовь – обрекла».²³ Такой серьёзный опыт, такое серьёзное понимание любви она приобретала от Татьяны, от характера созданного А. Пушкином. От Татьяны она получила многое. Пушкинская героиня Татьяна оказала огромно интересное влияние на М. Цветаеву. Мы видим и социальный перспектив этого влияния в данное время и данном пространстве: М. Цветаева пишет об этом:- «Ибо Татьяна до меня повляла ещё на мою мать. ... Так, Татьяна не только на всю мою жизнь повляла, но на самый факт моей жизни: не было бы пушкинской Татьяны: - не было бы меня».²⁴

Разнообразные стороны пушкинского творчества проходят через глаза М. Цветаевой и этим и объясняется разновидность восприятия художественного мира, А. Пушкина. Можно без сомнения утверждать, что это не промежуточные части, которым создаётся цельный образ А. Пушкина. Читая книжку «для городских училищ», перед Мариной появляется другой образ А. Пушкина. Но, это образ А. Пушкина тоже является связанным с образом созданным уже в цветаевском воображении. Следующее высказывание заставляет нас возвращаться к начальным страницам, где она говорит о своей любви к черноте: «В этом Пушкине я любила только негрского мальчика. Кстати, этот детский негрский портрет по сей день считаю лучшим из портретов Пушкина, портретом далекой африканской души его и еще спящей – поэтической. Портрет в две дали – назад и вперёд, портрет

²³ Цветаева М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 317.

²⁴ Там же, стр. 319.

его крови и его грядущего гения. Такого мальчика вторично избрал бы Петр, такого мальчика тогда и избрал».²⁵

Чтение книжку «Для городских училищ» не только вызывает у М. Цветаевой зло к окружению, но и создает тот образ А. Пушкина – поэта, который вызывает у неё множество важных вопросов. Речь переходит к анализу этого образа и поэтичности А. Пушкина. Об этом объясняет В. Цвейцер в своей работе «Быт и Бытие М. Цветаевой». В. Цвейцер пишет, что перед цветаевским Пушкином «не надо было только благоговеть, которого надо было читать, знать, любить, у которого учиться. Проза подтверждала с вызовом брошенное в стихах:

«Пушкинскую руку :

Жму, а не лижу».

С ней жил свободный дух Пушкина, она преломляла его в себе, он сопровождал её в любую минуту жизни. Потрясенная женитьбой Пастернака, Цветаева писала в уже цитированном письме к Р. Ломоносовой – «Живу. Последняя ставка на человека. Но остаётся работа и дети и пушкинское: «на свете счастья нет, но есть покой и воля». Среди трех окончательных ценностей, сохраняющихся дальше последней ставки на человека», Цветаева называет А. Пушкина – вне возможности разочарования, такой же бесспорностью, как само существование её детей. Работа, дети, А. Пушкин – именно в этой

²⁵ Цветаева М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 320.

последовательности – то, что пребудет с ней до конца. Это чувство даёт ей свободу понимать и толковать А. Пушкина. Так и в этом письме она по-своему применяет её понятие «воля» ... «... которую А. Пушкин употребил как «свобода» И дальше она рассуждает о наследственности своего трудолюбия, чувства долга и ответственности».²⁶

Чтение пушкинского произведения есть путешествие для М. Цветаевой на весь жизненный путь. При этом состоит ее встреча с историей. Она приобретает весь жизненный опыт. Объяснение выражений употребленных в стихах, также представляет собой большую ценность. Особенно интресными на наш взгляд, являются следующие выражения:- «Это было моя первая встреча с историей, и эта первая историческая история была – злодейство».²⁷

- «Если бы мне тогда совсем поверить, что он действительно не знает, можно было бы подумать, что поэт из всех людей тот, кто ничего не знает, раз даже у меня, ребёнка, спрашивает: Историческому Пушкину своего младенчества я обязана незабвенными видениями».²⁸

- «Страх и жалость (еще гнев, еще тоска, еще защита) были главные страсти моего детства и там, где им пищи не было –

²⁶ Цвейцер, В., Быт и бытие Марины Цветаевой, Москва, СП ИНТЕРПРИНТ, 1992, стр. 398-99

²⁷ Цветаева, М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 322

²⁸ Там же, стр. 323.

меня не было. Но, какая иная жалость, нежали к Вурдалаку заливала меня в «Бесах» и к бесам!...²⁹

- «О, господи, как печально, как дважды печально, как безысходно, бознадежно печально, как навсегда припечатно - печально, точно Пушкин этим повторением печаль луною как печатью к поляне припечатан». ³⁰

- «Читатель! Я знаю ... Всё это называется Россия и моём ладенчество, и если вы меня взрежете, вы, кроме бесов, обнаружите во мне ещё и те голубых два глаза». ³¹

- «Подруга дней моих суровых – Голубка дряхлая моя!» ... Кого я жалела? Не няню. А. Пушкина. Его тоска по няне превращалась в тоску по нему тоскующему». ³²

- «Но любимое во всем стихотворении место было – «Горюешь будто на часах», причем «на часах», конечно, не вызывало во мне образа часового, которого я никогда не видела ... Да, что знаешь в детстве – знаешь на всю жизнь, но и: чего не знаешь в детстве – не знаешь на всю жизнь». ³³

²⁹ Цветаева, М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 326.

³⁰ Там же, стр. 327.

³¹ Там же, стр. 327.

³² Там же, стр. 327.

³³ Там же, стр. 329.

ТН- 8274

Последнее выражение передает суть всего анализа А. Пушкина М. Цветаевой. Этот анализ основан на данном теоретической построении: «Историческому Пушкину ... но не могу от своего тогдашнего и своего теперешнего лица не сказать, что вопрос в стихах – приём раздражительный, хотя бы потому, что каждое отчего требует и судит оттого и этим ославляет самоценность всего процесса. Всё стихотворение обращает в промежуток, приковывая наше внимание к конечной внешней цели, которой у стихов быть не должно. Настойчивый вопрос стихи обращает в загадку и задачу, и если каждое стихотворение само есть загадка и задача, то не та загадка, на которую готовая отгадка, и не та задача, на которую ответ в задачнике»³⁴

Глубокое чтение стихов А. Пушкина помогает М. Цветаеве уловить такие черты творчества А. Пушкина как его простота, его стиль, как он употребляет слова в стихотворениях и важнее, его логика творения. А. Пушкин так искренно пишет про няню, что М. Цветаеве пришлось заключить своё признание словами – «из известного же с детства: Пушкин из всех женщин на свете больше всего любил свою няню, которая была «не» женщина. Из «к няне» А. Пушкина я на всю жизнь узнала, что старую женщину – потому что родная – можно любить больше, чем молодую – потому что молодая и даже потому что – любимая. Такой нежности слов у А. Пушкина не нашлись ни к одной».³⁵

³⁴ Цветаева, М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 324.

³⁵ Цветаева, М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 329.

0,142,1, M992 2Г L99
142L9

Путешествие М. Цветаевой начатое со «спальной комнаты матери» кончается «к Морю» Просто случайность ведёт девочку Марину к той магии, что и ведёт её к жизненной реальности. У неё мать «войдя в детскую, сказала: к морю – она не подозревала, что произносит магическое слово, что произносит к морю, то есть даёт обещание, которое не может сдержать».³⁶ Для неё море является тесно связанным с А. Пушкиным – и внешне и внутренне: «видение: Пушкин, проносящий, проносящий над головой – всё море, которое ещё и внутри него (тобою полн), так что и внутри у него всё голубое – точно он весь в огромном до неба хрустальном продольном яйце, которое ещё и в нём (моресвод). Как тот Пушкин на тверском бульваре держит на себе всё небо, так этот перенесет на себе – всё небо, так этот перенесет на себе море – в пустыню и там прольет его – и станет море».³⁷ Это пушкинское море, нам кажется, морем свободной стихии или морем творческой свободы А. Пушкина или просто цветаевского восприятия. Тут чистая математика у М. Цветаевой: «К морю было: море + любовь к нему А. Пушкина. Море + поэт, нет! – поэт + море, две стихии, о которых так незабвенно – Борис Пастернак:

«Стихия свободной стихи

Со свободной стихией стиха»

– опустив или подразумев третью и единственную: лирическую».³⁸

³⁶ Цветаева, М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 334.

³⁷ Там же, стр. 334.

³⁸ Там же, стр. 339.

Формирование восприятия М. Цветаевой А. Пушкина имеет психоаналитическое основание. По мнению известного психолога Леоны Эдела:

"From the moment psychoanalysis began to explore man`s use of symbols, it was exploring man`s creative capacities, sometimes in their crudest forms. The equation is simple: as humane behaviour is related to the unconscious and is influenced by the feelings and memories of our earliest years, so the arts materialize and acquire form and beauty out of such buried states in the artist`s past; these give rise to his fancies and dreams"³⁹

Смысл психолога становится более ясным когда он определяет психоанализ:

"Psychoanalysis deals with the life of a patient; it attempts to induce the patient to speak, as it were, his own autobiography and then, by continuous acts of evaluation and interpretation – which is really what the higher criticism is – it enables the patient to bring some of his hidden motivations into the open, revise of his life, and find some release".⁴⁰

Мы отмечаем, что на этой основе формируются такие выражения как «Пушкин меня заразил любовью».⁴¹ или «... пушкинское море было –

³⁹ Edel, Leon, *Psychoanalysis and Creative Arts, Modern Psychoanalysis*, Ed. Judel Marmor, Basic Books Inc., New York/London, 1968, P. 627

⁴⁰ Edel, Leon, *Psychoanalysis and Creative Arts, Modern Psychoanalysis*, Ed. Judel Marmor, Basic Books Inc., New York/London, 1968, P. 627

⁴¹ Цветаева, М., *Сочинения, Том 2*, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 314.

моне прощания ... я все вещи своей жизни полюбила прощанием, а не встречей, разрывам, а не слиянием, не на жизнь – а на смерть».⁴² И много таких выражений являются такими за которыми лежит сильный, трогательный опыт М. Цветаевой. И еще такой широкий социальный перспектив является важным при формировании восприятия М. Цветаевой. Со самого начала перед нами в произведении «Мой Пушкин» есть предметы: картины, памятник и книга. В картине четырёхлетняя девочка видела убийство поэта и потом она видела памятник того же поэта, которого убили так жестоко. Еще она видела, что книжку А. Пушкина в доме поставили на «запертый шкаф». Потом она выполнила желание матери убить пушкинского сына. Такое семейное отношение и уважение к А. Пушкину рождает у Марины (девочки) особый интерес к А. Пушкину и к своему поэтическому будущему, эволюцию которого мы видим до самой последней строчки очерка, «Мой Пушкин». Картиной «Дуэль», памятником, книжкой и мнениями родственников создаётся «архетипический образ» (archetypal image) А. Пушкина у М. Цветаевой, что сопровождает её эволюцию. Тут уместно вспомнить учёного – психолога Нортхоп Фрая (Northrop Frye) и К.Г. Зунга (C.G. Jung), которые пишут о архетипическом образе. О психоаналитическом основании восприятия М. Цветаевой А. Пушкина пишет и критик - литературовед Паул Дебресзени: «Tsvetaeva's Pushkin essays present a full range of responses to literature. In Pushkin she discovered the border frame of reference needed to transcend her immediate environment. In his attitudes she found models enabling her to build the potential selves essential for personal growth. Some of his images evoked semi-conscious memories in her and helped relieve her anxieties. Indeed

⁴² Цветаева, М., Сочинения, Том 2, Минск, «Народная Асвета», 1988, стр. 339.

her essays show that these different processes, which I have approached from the perspectives of different disciplines, are often though not invariable, simultaneous. Psychologists like Markus and Nurius, discussing possible selves, refer exclusively to continuous symbols. Psychoanalysts, on the other hand concentrate on unconscious or semi-conscious anxieties to the surface, thereby easing tension but not necessarily creating models for growth. I would like to argue that the deeper the emotional content brought to the surface, the more it is likely to contribute to the building of possible selves. In other words, if the thought of the mother's dying was so painful to the child Marina that she could contemplate it only symbolically as a Pushkinian farewell to the sea, then the symbolic interaction must also have produced such a powerful self-image of a person capable of turning pain into words – that it created Tsvetaeva a poet for life». ⁴³

Так мы видим как уместно изучено значение и влияние А. Пушкина на М. Цветаеву многими учеными не только в России, но и за рубежом. И так более или менее, нам становится ясным образ А. Пушкина созданный М. Цветаевой в очерке «Мой Пушкин».

⁴³

Debreczeny, Paul, *Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian culture*, Stanford University Press, Stanford, Australia, Page No. 76.

ГЛАВА –II

Правильное понимание отношения между правдой исторической и правдой художественной помогает нам понимать взаимосвязь исторически верного изображения какой-либо исторической эпохи и её отражения в художественном произведении. В обычном понимании история является наличием фактов, историк и историография очень сильно зависят от фактов. Историк, в принципе, собирает всю информацию т.е. факты и делает выводы от этих фактов. Здесь его личный интерес не играет важную роль при определении данного предмета. В отличие от этого художник может подобрать любой факт и далее может развивать по своему вкусу, может сделать свои выводы т.е. подставляет свою точку зрения перед читателями. Он может использовать факты, информацию по эстетическим потребностям.

Отношение между исторической правдой и правдой художественной можно объяснить анализом двух произведений А. Пушкина «История Пугачева» и «Капитанская Дочка». На основе этих работ лежит одно и то же историческое событие – крестьянское восстание, вождём которого был Пугачев.

Мысль исторического романа из времен пугачевского восстания возникла у А. Пушкина под влиянием общественной ситуации начала 1830-х годов. Бунты в военных поселениях, волнения помещичьих крестьян сделали реальной угрозой новой крестьянской войны.¹

1 Петрушина, Н.Н., Фридендер, Г.М., Над страницами Пушкина, издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1974, стр. 73.

Процесс создания «Капитанской дочки» является поразительным примером взаимодействия образно – художественной и исследовательской мысли. Развитие художественного замысла привело на определенном этапе к историческим изучениям, из которых возникла «История Пугачева». Работа историка откорректировала работу художника и дала ей новое направление.²

«История Пугачева» явилась рубежом в идейном развитии Пушкина. Все написанное им после завершения основной работы над историческим сочинением, начиная с октября 1833 года, оказалось так или иначе обусловленным теми выводами, к которым пришёл Пушкин в результате исторического и художественного исследования величайшего события в истории русского народа – восстания возглавленного Пугачевым.³ В истории России был свой симптоматический и беспримерный по масштабам, но неудачным по результатам «переоборот» – народное восстание возглавленное Пугачевым.⁴ Судьба родившего замысла романа о пугачевском восстании зависела от результатов специального изучения русской истории под углом зрения её социального развития. «История Пугачева» раскрывала причины породившие войну народа за свою свободу.⁵ Впервые Пушкин, создавая социальную историю народа, объяснил причины восстания, рассмотрел ту политику правительства,

2. Петрушина, Н.Н. Фридендер, Г.М., Над страницами Пушкина, издательство «Наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1974, стр. 117.

3. Макогоненко, Г.П., Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833 – 1836), Ленинград «Художественная Литература», Ленинградское Отделение, 1982, стр. 21.

4. Там же, стр. 28.

5. Там же, стр. 28.

которая вызвала народное возмущение.⁶ Судьбу русской революции могло решить только будущее. Великой же победой Пушкина – мыслителя и художника – и было не угасавшее в нём стремление к преодолению трагизма своих убеждений, его поиски так нужной ему и России истины. И эту истину он нашел – единственной силой, которая когда-то в будущем завоюет и утвердит свободу в России, является сам угнетенный народ.⁷ Потому уже в «Истории Пугачева» с новых позиций Пушкин начал художественное познание народа, это познание будет продолжено и в последующих произведениях, и с особенной полнотой в «Капитанской дочке».⁸

О народной войне в «Истории Пугачева» писал не ученый, но художник, глубоко и серьезно, профессионально занимавшийся изучением истории. Пушкин – художник сумел познать и передать народную точку зрения на великую борьбу за вольность глазами самого народа. Этим обусловлена особая природа художественного и фольклорного начала в «Истории Пугачева».⁹

Судьба Пугачева определяет сюжетное развитие действия. Исторические события и жизнь Пугачева оказывались неразрывно связанными. Художественное начало «Истории Пугачева» и проявлялось прежде всего в воссоздании судьбы Пугачева в его

⁶ Макогоненко, Г.П., Творчество А.С. Пушкина в 1880-е годы (1833-36), Ленинград «Художественная Литература», Ленинградское Отделение, 1982, стр. 28.

⁷ Там же, стр. 28.

⁸ Там же, стр. 40.

⁹ Там же, стр. 28.

неразрывной связи с историческими событиями, в росте личности Пугачева – читатель сначала знакомится с «неизвестным бродягой», дерзким, неграмотным и хитрым казаком, а потом имел возможность видеть нравственное преображение этого казака, когда он становится «государем», народным вождём, мудрым правителем, знающим нужды угнетенных, способным быть справедливым и в жестокости, и в милости. На страницах «Истории» возник образ Пугачева.¹⁰ Как всякий художественный образ он был многозначным. В этой многозначности главным было раскрытие того источника, тех сил, которые способствовали духовному росту Пугачева, мощному пробуждению потенциальных нравственных резервов личности, – этим источником была свобода, этой силой – борьба за её торжество.¹¹

Образ пушкинского Пугачева издавна привлекал внимание критиков, в которой не раз утверждалось, что Пушкин искажал облик Пугачева тем, что нарисовал в своём романе не вождя крестьянского движения, а забубенную головушку, уделого разбойника. Решительный отпор подобным упрекам дал в свое время сам Пушкин. В письме к Дмитреву поэт писал: «что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не байроновым ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который вероятно, за сходную цену возьмется идеализовать это лицо по самому последнему фасону». Посылая свою «Историю Пугачева» к Денису Давыдову, А. Пушкин пишет:

¹⁰ Макогоненко, Г.П., Творчество А.С. Пушкина в 1880-е годы (1833-36), Ленинград «Художественная Литература», Ленинградское Отделение, 1982, стр. 68.

¹¹ Там же, стр. 69.

«Вот мой пугач-при первом взгляде

Он виден: плут, казак прямой!

В передовом твоём отряде

Урядник был он лихой».

Этими стихами А. Пушкин подчеркивал реалистичность своего изображения Емельяна Пугачева, к которому поэт отнесся без всяких дворянских предрассудков. Образ Пугачева раскрыт во всей сложности и противоречивости его личности, руководителя массового народного движения и лихого бывалого казака, немало подродившего по белу свету.¹²

Главной особенностью пушкинского повествования и является введение в «Историю» на равных правах двух точек зрения на события и Пугачева: правительственной, дворянской – и народной. В этом выражалась смелость Пушкина – историка и отчетливо проявлялась позиция Пушкина – художника. Строя рассказ на столкновении «мнения дворянского» и «мнения народного, уравнивая познавательную ценность этих «мнений», Пушкин выступал как художник. Сопоставление и столкновение концепции восстания не только помогало достигать исторической точности, объективности описания и оценки событий гражданской войны, поведения

12 Петров, С.М., А.С. Пушкин – Очерк жизни и творчества, М., «Просвещение», 1973, стр. 286-287.

восставших и карателей, но и способствовало раскрытию подлинной правды о Пугачеве, позволяло Пушкину выявлять свою позицию.¹³ Именно в «Истории Пугачева» наиболее полно и последовательно проявилась складывавшаяся уже несколько лет особая система прозаического повествования писателя – реалиста, система использования чужого текста в целях наиболее объективного исследования жизни и выявления своего авторского отношения к изображаемому.¹⁴ Чужой текст – это исторические документы разного масштаба, уровня, значимости и ценности. Но, использовать документ как чужой текст, как социально обусловленное «мнение» определенных общественных групп, столкнуть эти мнения в одном повествовании с целью и воссоздания объективности событий, исторической правды восстания, и выявления своей авторской позиции мог только художник, художник – реалист. Художественное начало «Истории Пугачева» прежде всего именно в этом утверждении Пушкинным особой роли чужого текста в реалистической системе.¹⁵

Уже давно исследователи «Истории Пугачева» замечали в ней эстетический элемент. Взаимосвязь логического и художественного в историческом сочинении, написанном гениальным писателем получала то или иное освещение в литературе, по-своему трактовалась и обосновывалась.¹⁶

¹³ Макогоненко, Г.П., Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833-36), Ленинград «Художественная Литература», Ленинградское Отделение, 1982, стр. 70.

¹⁴ Там же, стр. 70.

¹⁵ Там же, стр. 71.

¹⁶ Там же, стр. 72.

В «Истории Пугачева» научное исследование сочеталось с художественным, логическое с поэтическим, Логика исторического исследования опирается на документы, объективные факты, которые помогают научному познанию прошлого, познанию закономерности восстания. Но это знание не вскрывало трагизма восстания – причины его поражения.¹⁷

Логика поэтического является иной – она строилась на системе образов, которые обобщая реальные явления жизни, помогали заглядывать в будущее, разгадывать тайны не только человеческого характера, но и народного движения, общественного развития. В этой связи критику хочется обратить внимание на ту особенность поэтического в изображении Пугачева, которая выступает как сказочное начало. Пушкин увидел удивительную общность между реальной деятельностью Пугачева и поступками, жизнью сказочного героя волшебной сказки.¹⁸

Поскольку, по мысли исследователя, в 1833 году изменились к лучшему семейные дела Пушкина, то иной характер приобрело творчество этой осени. «Иное мы видим во второй болдинской осени, 1833 г. К этому времени семейная жизнь, казавшаяся такой тревожной перед женитьбой, стала представляться ему, несмотря на опасения, вызываемые молодостью и красотой Натали Николаевны, устойчивой и ясной, отношения с Николаем I, с Бенкендорфом, с цензурой как-то в общем нормализовались, и казалось, не должны

¹⁷ Макогоненко, Г.П., Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833- 36), Ленинград «Художественная Литература», Ленинградское Отделение, 1982, стр. 84.

¹⁸ Там же, стр. 84.

были очень мешать жизнь и творческой работе». Оттого-то оказывается, А. Пушкин и обратился «к новой большой теме – к роману о дворянине – участнике Пугачевского движения; он погрузился в работу по двум параллельным линиям: над романом – будущей «Капитанской дочкой» и над исследованием – «историей Пугачева».¹⁹

Заметим, что по сравнению с «Историей Пугачева» в «капитанской дочке» Пушкин опустил наиболее жестокие поступки своего героя и, наоборот, оттенил его гуманность как лучшую в глазах поэта черту характера. Образ Пугачева раскрывается во взаимоотношениях с Гриневым. Весьма тонко А. Пушкин вкладывает в представление Гринева о Пугачеве официальную трактовку вождя крестьянского восстания: изверг, злодей, душегуб. На всем протяжении романа мы видим совершенно обратное – гуманизм, его способность к проявлению милосердия и справедливости к добрым и честным людям. Это отнюдь не было идеализацией Пугачева. Пушкина интересовала деятельность Пугачева как вождя крестьянского восстания и он правдиво показал беспощадность Пугачева к врагам народа. Вместе с тем поэт увидел в Пугачеве талантливого и гуманного человека.²⁰

«Капитанская дочка» – это поэтическая иллюстрация к «Истории пугачевского бунта» - писал Н.И. Черняев. И однако он же замечал,

¹⁹ Макогоненко, Г.П., Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833-36), Ленинград «Художественная Литература», Ленинградское Отделение, 1982, стр. 89.

²⁰ Петров, С.М., А.С. Пушкин – Очерк жизни и творчества, Москва, «Просвещение», 1973, стр. 290.

что картины, созданные художественным воображением Пушкина, имеют даже большую достоверность, чем факты, сгруппированные в «Истории». Ещё раньше близкую мысль высказал профессиональный историк, В.О. Ключевский, находивший, что в «Капитанской дочке» «больше истории, чем в «Истории пугачевского бунта».²¹

С другой стороны подошла к определению различия между историческим трудом А. Пушкина и его романом М. Цветаева. Основываясь на непосредственном поэтическом восприятии, она провела резкую грань между Пугачевым «Капитанской дочки» и Пугачевым «Истории пугачевского бунта». Для неё это два разных Пугачева: «Пугачева «Капитанской дочки» писал поэт, Пугачева «Истории пугачевского бунта» – прозаик. Потому и не получился один Пугачев. Как Пугачевым «Капитанской дочки» нельзя не зачароваться – так от Пугачевского бунта нельзя не отвратиться».²²

В размышлениях М. Цветаевой – размышлениях поэта со своими специфическими критериями и оценками – можно различить субъективный элемент. Но, тонкая художественная интуиция позволила ей верно почувствовать главное: изображения Пугачева в «Истории» и в «Капитанской дочке» и сходны, и различны, они не совпадают, как не совпадают документальная фотография и

21 Петрушина, Н.Н., Над страницами Пушкина, Издательство (Наука), Ленинградское Отделение, Ленинград, 1974, стр. 117.

22 Там же, стр. 118.

художественный портрет, написанный ради «извлечения из человека основы и выведения её на свет».²³

Вот почему возражения М. Цветаевой, недавно высказанные В. Блюмфилдом в статье «Художнические элементы в «Истории Пугачева Пушкина», не достигают цели. Исследователь прав: эпическое начало есть и в Пугачеве «истории», как есть оно и в ряде её источников, фольклорных или пронизанных элементами «народного красноречия». Но там, где «показания «архива» были разные» они по-разному преломлялись Пушкинным – историком и Пушкинным – поэтом.²⁴

Замечания М. Цветаевой являются важными при изучении отношения истории общества и образного её отражения. Но, более важным для нас является вопрос о восприятии М. Цветаевой творчества А. Пушкина. Центральное место в пушкинской книжке М. Цветаевой занимают два очерка – «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев», написанные в 1936-м и 1937 годах. Наиболее значителен из всего, что Цветаева написала о Пушкине, великолепный очерк «Пушкин и Пугачев».²⁵

«Пушкина и Пугачева» Цветаева написала уже на исходе своего эмигрантского полубытия, когда прошли долгие годы тяжких заблуждений, непоправимых ошибок, мучительных сомнений,

²³ Петрушина, Н.Н., Над страницами Пушкина, Издательство (Наука), Ленинградское Отделение, Ленинград, 1974, стр. 118.

²⁴ Там же, стр. 118.

²⁵ Там же, стр. 118.

слишком поздних прозрений. Рубеж, разделивший Цветаеву и неразоружившиеся белоэмигрантские круги, к этому времени (1937 год) стал очевидным для обеих сторон. Цветаевой уже владело дорогой ценой купленное убеждение, что ни «миновать», ни «отвергнуть» Октябрьскую революцию невозможно (внутренне невозможно), что «всё равно она уже в тебе – и извечно (стихия), и с русского 1918 года, который – хочешь не хочешь – был» («Поэт и время, 1932) Поэтому, конечно, не случайно, а, напротив, в высокой степени знаменательно, что в дни пушкинского юбилея Цветаева, минуя все остальные возможные и даже притягательные для неё темы, связанные с Пушкинным, обращается к теме народного революционного движения, к образу народного вожака – Пугачева.²⁶

Для самой Цветаевой взятая ею «историческая» тема, конечно, приобрела особый, остросовременный смысл. В её понимании и толковании тема эта звучала так: стихийно свободный поэт – и великий мятежник, освободительная сила искусства – и питающая его народная правда. Личный опыт переживания революционной эпохи тут, безусловно, присутствовал. У Пушкина в «Капитанской дочке» Цветаева нашла такое разрешение темы, которое отвечало уже не только её душевному настрою, но и её раздумьям о своей человеческой и писательской судьбе.²⁷

24 Орлов, Вл., Сильная вещь-поэзия, св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 13.

25 Там же, стр. 13.

26 Там же, стр. 14.

В очерке «Мой Пушкин» Цветаева, рассказывая, как ещё в раннем детстве страстно полюбила пушкинского Пугачева, обронила такое признание: «Всё дело было в том, что я от природы любила волка, а не ягненка» (в известной сказочной ситуации). Такова уж была её природа: любить наперекор. И далее: «Сказав «волк», я назвала Вожатого. Назвав Вожатого – я назвала Пугачева: волка, на этот раз ягненка поволокшего – любить. Но о себе и Вожатом, о Пушкине и Пугачеве скажу отдельно, потому что Вожатый заведет нас далёко, может быть ещё дальше, чем подпоручика Гринева, в самые дебри добра и зла, в то место дебрей, где они неразрывно скручены и, скрутясь, образуют живую жизнь.²⁸

Обещание это реализовано в «Пушкине и Пугачеве». Речь идет здесь о главном и основном – о понимании живой жизни с её добром и злом. Добро вплочено в Пугачеве. Не в Гринева, который по-барски снисходительно и небрежно наградил Вожатого заячьим тулупчиком, а в этом «недобром», «лихом» человеке, «страх-человеке» с черными веселыми глазами, который про тулупчик не забыл.²⁹

Пугачев щедро расплатился с Гриневым за тулупчик: даровал ему жизнь. Но, по Цветаевой, этого мало: Пугачев уже не хочет расставаться с Гриневым, обещает его «поставить фельдмаршалом», устраивает его любовные дела – и все это потому, что он просто полюбил прямодушного подпоручика. Так среди моря крови,

27 Орлов, Вл., Сильная вещь-поэзия, св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 14.

28 Там же, стр. 14.

пролитой беспощадным бунтом, торжествует бескорыстное человеческое добро.³⁰

В «Капитанской дочке» Цветаева любит одного Пугачева. Все остальное в повести оставляет ее равнодушной – и комендант с Василисой Егоровной, и «дура» Маша, да в общем и сам Гринев. Зато огненным Пугачевым она не устает любоваться – и его самокатной речью, и его глазами, и его бородой. Это «живой мужик», и это «самый неодолимый из романтических героев». Но больше всего привлекательно и дорого Цветаевой в Пугачеве его бескорыстие и великодушие, чистота его сердечного влечения к Гриневу. «Гринев Пугачеву нужен ни для чего: для души» – вот что делает Пугачева самым живым, самым правдивым и самым романтическим героем (Цветаева согласна его сравнить разве что с Дон-кихотом).³¹

В этой связи Цветаева касается большого вопроса – о правде факта и правде искусства. Почему Пушкин сперва, в «истории Пугачева», изобразил великого бунтаря «зверём», воплощением злодейства, а в написанной позже повести – великодушным героем? Как историк он знал все «низкие истины» о пугачевском восстании, но как поэт, как художник – начисто про них забыл, отмел их и оставил главное: человеческое величие Пугачева, его душевную щедрость, «черные глаза и зарево».³²

29 Орлов, Вл., Сильная вещь-поэзия, св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 14.

30 Там же, стр. 13.

31 Там же, стр. 15.

32 Там же, стр. 15.

Ответ Цветаевой не полон, но многозначителен. Пушкин поступил так потому, что истинное искусство ни прославления зла, ни любования злом не терпит, потому что поэзия – высший критерий правды и правоты, потому что настоящее «знание поэта о предмете» достигается лишь одним путем – через «очистительную работу поэзии».³³

По мнению критика Вл. Орлова, с таким слишком резким расчленением Пушкина на историка и на поэта согласиться, конечно, трудно. Цветаева не учитывает в должной мере ни задания, которое ставил перед собой Пушкин в каждом случае, ни того существенного обстоятельства, что понимание им личности и дела Пугачева за время прошедшее между «историей Пугачева» и «Капитанской дочкой» углубилось и обогатилось, ни того, наконец, что в «Истории Пугачева» он был больше связан цензурными условиями.³⁴

Но вывод Цветаевой не теряет от этого в своей значительности: Пушкин в «Капитанской дочке» поднял Пугачева на «высокий помост» народного предания. Изобразив Пугачева великодушным героем, он поступил не только как поэт, но и «как народ»: «он правду – исправил ... дал нам другого Пугачева». Цветаева зорко разглядела, как уже не Гринев, а сам Пушкин подпал под чару Пугачева, как он влюбился в Вожатого. Так в цветаевком очерке на

33 Орлов, Вл., *Сильная вещь-поэзия*, св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 15.

34 Там же, стр. 15.

первый план выдвигается тема народной правды, помогающей поэту прямее, пристальнее взглянуть в живую жизнь.³⁵

Снова и снова возвращается Цветаева к самому Пушкину – к его личности, характеру, судьбе, трагедии, гибели. Естественно возникает неотразимое сопоставление: «Самозванец – врага – за правду – отпустил. Самодержец – поэта – за правду – приковал». Пушкин становится олицетворением стерженной свободы. Николая I Цветаева ненавидит, как можно ненавидеть личного врага».³⁶

Разумеется, не всё в пушкинской книге М. Цветаевой звучит одинаково убедительно и бесспорно. В ее очерках есть и пробелы и просчеты. Кое-чего она просто не знала, - так, она сама упоминает об оставшихся ей неизвестными документах пугачевского процесса, «из которых Пугачев встает совсем иным», нежели в изображении официальных и официозных историков царской России.³⁷ Наконец, в очерках Цветаевой сказались и «некоторые свойственные ей и до конца так и не изжитые серьезные заблуждения, как напромер, склонность к поэтизации всякого мятежа».³⁸

Но дело, само собой, не в обмолвках и не в натяжках. Это отдельные частности, не колеблющие впечатления от целого. «Очерки Цветаевой замечательны глубоким проникновением в самую суть

³⁵ Орлов, Вл., Сильная вещь-поэзия, св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 15.

³⁶ Там же, стр. 16.

³⁷ Там же, стр. 16.

³⁸ Там же, стр. 16.

пушкинского творчества, в «тайны» его художественного мышления. Так писать об искусстве, о поэзии может только художник, поэт».³⁹

Замечания В. Цвейцера тоже являются интересными при анализе восприятия М. Цветаевой творчества А. Пушкина. Она пишет, «Теоретические построения Цветаевой составляют нерасторжимое целое с логикой литературного анализа. Цветаева необычайно логична. Три коротеньких главки в «Искусстве при свете совести» – «Поэт и Стихи», «Гений», «Пушкин и Вальсингам» – представляют собой законченное целое. Сила Цветаевской логики такова, что, разобрав только песню Вальсингама, она по существу сказала всё о «Пире во время чумы» и больше чем только о «Пире», - о внутреннем мире Пушкина.⁴⁰

В конце произведения «Искусство при свете совести» она обращается к А. Пушкину наверное для того, чтобы сделать заявку на будущую работу «Пушкин и Пугачёв». Думая о «своём» и «чужом» для поэта она ссылается на премьер А. Пушкина (в «Скупом Рыцаре»). А. Пушкин породнит М. Цветаеву с Пугачевым. Она пишет: «не по премете же чуждости а именно по примете «родности» стучался в меня Пугачев». По мнению критика, «Пушкин и Пугачев» лучшее, что написала цветаева в этом роде, этап, открывавший новые возможности её прозы».⁴¹ Основанием отнести «Пушкина и

³⁹ Орлов, Вл., Сильная вещь-поэзия, св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 16.

⁴⁰ Цвейцер, В., Выт и бытие Марины Цветаевой, Москва, СП ИНТЕРПРИНТ, 1992, стр. 399.

⁴¹ Там же, стр. 400.

Пугачева» к новому этапу прозы М. Цветаевой о литературе является то, что эта работа, в первых, в новом для неё жанре. Она обращается не к рассмотрению творчества того или иного поэта, к двум произведениям: «Капитанская дочка» и «История пугачевского бунта» А. Пушкина. Мы видим особое углубление в текст, что не лишает её широты взгляда и обобщений. Критикам удивляет смелость М. Цветаевой, с которой она вводит Пугачева в ряд самых романтических героев мировой литературы.⁴² Сопоставление Пугачева с Дон-кихотом кажется очень невероятным и убедительным на первый взгляд в свете цветаевской логики. Но, тут мы видим изменение в логический строй М. Цветаевой. Тут не логика мысли, а логика искусства ведёт размышления М. Цветаевой.

Восприятие М. Цветаевой А. Пушкина объясняется словами самой М. Цветаевой в её статье «Поэты с историей и поэты без истории». В этой статье она пишет, «Поэты с историей прежде всего поэты воли ... Говорю о воле выбора, а воле – выборе. Решиться нетолько стать другим, но – именно таким. Решиться расстаться с самым собой....

... поэт с историей отбрасывает всё, что не на его генеральной линии – его личности, его дара, его истории. Выбирает его непогрешимый инстинкт главного. Зато после завершения пушкинского пути у нас остается ощущение, что Пушкин не мог не создать того, что создал, и написать то, что он не написал. И никто из нас не жалеет, что он отказался в пользу Гоголя от замысла «Мертвых душ», которые

⁴² Цвейцер, В., Выт и бытие Марины Цветаевой, Москва, СП ИНТЕРПРИНТ, 1992, стр. 400.

находились на гоголевской генеральной линии. (Поэт с историей обладает ещё и ясным взглядом на других, - Пушкин прежде всего).⁴³

Так мы видим разные стороны восприятия М. Цветаевой творчества А. Пушкина в этой главе. Писательница – поэтесса М. Цветаева хорошо понимает границу двух пушкинских произведений «История Пугачева» и «Капитанская дочка». В её произведении «Пушкин и Пугачев» мы видим эволюцию восприятия А. Пушкина в целом. В отличие от «Моего Пушкина», в «Пушкин и Пугачев» более чисто отражается зрелость писательницы М. Цветаевой. Но, благодаря свойственной ей поэтической стихии, это произведение не мог стать работой критики в принятом смысле этого слова.

43 Цветаева, м., Мой Пушкин (сборник), Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 199.

ГЛАВА – III

В творчестве М. Цветаевой большое место занимают стихотворения о поэтах и писателях. Кроме современных ей поэтов, таких как А. Блок, О. Мандельштам, А. Ахматова, В. Маяковский и т.д. она посвятила ряд стихотворений А. Пушкину. Стихи М. Цветаевой посвященные А. Пушкину представляют собой ценный материал при изучении её восприятия личности и творчества А. Пушкина. К таким её произведениям относятся и прозоические произведения «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачёв» которые уже рассмотрены нами в предыдущих главах. В этой главе нами рассмотрены ниже указанные стихи с целью установления характера восприятия М. Цветаевой поэтической личности А. Пушкина:

«Встреча с Пушкинным» (1913)

«Бич жандармов, бог студентов ...» (1931)

«Петр и Пушкин» (2 июля, 1931)

«Станок» (1931)

«Преодоление (10 июля 1931)

«Поэт и царь» (это цикл состоит из двух стихотворений – «Потусторонним» и «Нет, бил барабан ...», которые были написаны 19-ого июля 1931)

Кроме этих стихотворений есть два стихотворения, где мы видим образы А. Пушкина – «Счастье или Грусть» (1916) и «Психея» (1920). Эти стихотворения посвящены жене А. Пушкина Н.Н. Гончаровой.¹

«Встреча с Пушкинным» – это первое стихотворение М. Цветаевой, обращенное к А. Пушкину. Это стихотворение написано в Ялте, где М. Цветаева жила со середины сентября по 14 октября 1913 г. В 1931 году М. Цветаева писала Пастернаку, «ведь Пушкина убили, потому что своей смертью он никогда бы не умер, жил бы вечно... Я с Пушкинным мысленно, с 16 лет, всегда гуляю».² Это стихотворение принадлежит к юношескому периоду жизни М. Цветаевой, когда «она жадно любила жизнь и, как положено поэту романтику, предъявляла ей требования громадные, часто-непомерные. В ней громко говорила «языческая» жажда жизни как лучшей радости, высшего блаженства. Всякая мистика была ей органически чужда».³ Глубоко прав критик Вл. Орлов, который пишет об этом стихотворении что «здесь почти всё идёт ещё от книжного романтизма, и сам Пушкин для юной поэтессы больше повод, чтобы рассказать о себе, показать, как сама она по-пушкински мятежна и своевольна. Впрочем, и здесь сквозь девичье кокетство и книжно-романтическую биографию проступает жибой образ «курчавого мага».⁴

¹ сб. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 202

² Там же, стр. 202

³ Михайлов Ал., О. Марине Цветаевой, стихотворения М. Цветаевы (сб.), «Детская литература», 1986, стр. 7.

«Я вспоминаю курчавого мага.

Этих лирических мест». (Встреча с Пушкинным)

Счастье или грусть –

Ничего не знать наизусть,

В пышной тальше катать бобровой,

Сердце Пушкина теребить в руках,

И просылать в веках –

Длиннобровой,

Ни к кому не суровой –

Гончаровой. (1961)

- Написанные М. Цветаевой эти строчки являются следующей степенью пушкинской темы в лирике М. Цветаевой,⁵ где идёт «спор за Пушкина против Натальи Николаевны Гончаровой».⁶ По мнению критика Вл. Орлова, «эскизно набросанный в стихотворении 1916

4 Орлов, Вл., св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 8.

5 Там же, стр. 8.

6 Там же, стр. 8.

года портрет небрежной красавицы, которая теребит в прелестных ручках сердце гения и не слышит «стиха литого», в 1920 году развернут в мастерски, тонкой кистью написанную картину обреченной любви пылкого арапа к его равнодушной Психее».⁷

Но, окончательно, в стихотворном цикле «Стихи к Пушкину» отражается цельный образ А. Пушкина. М. Цветаева по-настоящему в полный голос сказала о своём Пушкине в замечательном стихотворном цикле, который был опубликован (не полностью) в эмигрантском парижском журнале «Современные записки» в юбилейном «пушкинском» 1937 году.⁸

Созданные М. Цветаевой «Стихи к Пушкину» – это результат всего её жизненного опыта и тех обстоятельств при которых шла её жизнь. По мнению Вл. Орлова, нельзя не учитывать особых обстоятельств при которых появились цветаевские «Стихи к Пушкину». А именно – атмосферы и обстановки юбилея, устроенного А. Пушкину белой эмиграцией. Как была отмечена свидетелями этого события, юбилей этот проходил под флагом политической демоагии: послужил более или менее проходящим поводом для очередной иеремияды о судьбах «истинно национальной культуры», очутившейся в изгнании, и о «попрании» национально – культурных традиций в Советском Союзе. Именно белоэмигрантская литература с особенным рвением тщилося превратить А. Пушкина в икону, трактовала его как «идеального поэта», в духе как раз тех понятий, против которых столь яростно

⁷ Орлов, Вл., св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 8.

⁸ Там же, стр. 8.

восстала в своих стихах М. Цветаева: Пушкин – монумент, мавзолей, губернёр, лексикон, мера, грань, золотая середина.⁹ По другому видит обстоятельства создания «Стихов к Пушкину» А. Павловский. Он говорит, что поэтический опыт М. Цветаевой был широк и разнообразен. Она уже была художником, за плечами которого пролегал огромный и необычайно интенсивный в своём развитии творческий путь.¹⁰ В это время она сосредоточена к вопросам собственного искусства. Жестоко угнетенная жизненными обстоятельствами, она стремилась понять место искусства в обществе. Долгое время считавшая свободной от политики, она убедилась на собственном опыте, что художническая независимость от неё невозможна. Перед ней был весь мир – темнеющий лик Европы, германский фашизм, Испания, Парижский международный конгресс в защиту культуры. И неслучайно среди её немногочисленных стихов этого времени значительная часть посвящена стихам же – проблемам искусства. Божественным и непререкаемым авторитетом является для неё А. Пушкин.¹¹

Отношение М. Цветаевой к А. Пушкину, её любовь к нему зависят от того убеждения, что «влияние А. Пушкина может быть только освободительным».¹² Это смысл духовной свободы, что она видит в А. Пушкине, в его поэзии, в его личности, в природе его гения.

⁹ Там же, стр. 9.

¹⁰ Павловский, А., Куст рябины, Советский Писатель, Ленинградское Отделение, 1989, стр. 331-332.

¹¹ Там же, стр. 331-332.

¹² Орлов, Вл., св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 7.

Кроме этого у М. Цветаевой при мышлении о А. Пушкине, об освободительной роли искусства есть место для её собственного убеждения в том, что «поэт – дитя стихии, а стихия – всегда «бунт», восстание против слежалого, окаменевшего, пережившего себя. Нет ни одного настоящего поэта, который не искал и не находил бы в стихии бунта источник высочайшего вдохновения. Ярким примером этого является А. Пушкин, который «Николая опасался, Петра боготворил, а Пугачева – любил». Именно поэтому у каждого настоящего поэта есть свой «Пугачёв» т.е. свой образ бунтарской стихии». ¹³

Поэзия М. Цветаевой является рожденной истинным талантом и вдохновением, которое по известному высказыванию А. Пушкина, есть «расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно к быстрому соображению понятий что и способствует объяснению оных». Об этом справедливо замечает критик Ал. Михайлов, что цветаевский образ вдохновения по главной сути близок пушкинскому, хотя А. Пушкин и не считал вдохновение привилегией поэтов. «Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии» – утверждал он. Но, здесь обращает на себя внимание не столько близкий пушкинскому взгляд на вдохновение, сколько его резкое возвышение над всеми страстями человеческими. Ни страх смерти, ни сладость любви – ничто не может быть вровень с вдохновением. В какие-то счастливые моменты жизни оно возвышает все духовные, нравственные, психические и физические возможности

¹³ Михайлов, Ал., О Марине Цветаевой, Стихотворения М. Цветаевой, Издательство «Детская Литература», 1986, стр. 10-11.

человека и с необыкновенной силой проявляет в нём творческое начало, талант»¹⁴

У М. Цветаевой вдохновение сопровождается «её вздохом у роковой черты жизни и смерти, уже не той смерти, которую она повинуюсь моде и навеяв романтический туман, так часто помнила в юношеских стихах, а той, которой обрекла себя не выдержав всё-таки безмерной тяжести одиночества и покинутости».¹⁵ Поэзия М. Цветаевой, как замечательное явление духа тесно связана с этим вздохом. У А. Пушкина тоже душа стесняется лирическим волнением, трепещет и звучит, и ищет, как во сне, излиться наконец свободным проявлением...»¹⁶ (осень)

Это либо вдохновение либо влияние либо требование времени благодаря которому кажется «сама любовь настоящего поэта к А. Пушкину и принятое на себя поэтом «исполнение пушкинского желания» предпочитают не рабскую зависимость, а полную свободу от неё». Такую свободу М. Цветаева видит в Б. Пастернаке у которого «новый и самобытный поэт отталкиваясь от пушкинской темы и от образа самого А. Пушкина, остаётся новатором, где нет ничего от музайно-раставраторского отношения к наследию, нет ничего собственного «пушкинского» в языке, стиле, форме и фактуре

14 Михайлов, Ал., О Марине Цветаевой, Стихотворения М. Цветаевой, Издательство «Детская Литература», 1986, стр. 10-11

15 Там же, стр. 10-11.

16 Там же, стр. 10-11

стиха».¹⁷ А. Пушкин всегда остаётся для М. Цветаевой лучшим другом, собеседником, советском. С Пушкинным она постоянно сверяет своё чувство прекрасного, своё понимание поэзии. М. Цветаева осущаает его не наставником даже, а соратником. Она называет себя «товаркой» А. Пушкина:

Прадеду – товарка

В той же мастерской. «Станок»

Работа над циклом стихов обращенных к А. Пушкину была начата М. Цветаевой летом 1931 года. Это цикл стихов первоначально был назван «Памятником Пушкина». Напечатать цикл в 1931 году не удалось: в ту пору (как и позднее) у М. Цветаевой очень неохотно брали стихи; «всё остаётся в тетради» – она писала. Лишь в 1936, в канун столетней годовщины со дня гибели поэта, часть цикла была напечатана в парижском журнале «Современные Записки».¹⁸

Это была время когда пушкинский юбилей был отмечен белой эмиграцией. При этом была особая цель. Цветаевские убеждения не были приняты редакцией «Современных записок» и «не решились даже напечатать её стихи циклом: из стихотворения «Бич жандармов, бог студентов...» было выброшено восемь строф (9, 10, 13, 14, 17, 18, 19, 20) а пятое и шестое стихотворения («Поэт и царь») вообще были отвергнуты».¹⁹

¹⁷ Орлов, Вл., сб. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 7.

¹⁸ Сб. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 203.

В стихотворном цикле «Стихи к Пушкину» создаётся нетолько особый образ А. Пушкина, но и чисто показываются контрасты и обстоятельства оправданные историей. В первом стихотворении этого цикла «Бич жандармов, бог студентов...» она оценивает А. Пушкина выше всех. Она отвергает оценку современного. Для неё А. Пушкин не может быть монумент, не командор, не лексикон, не гувернер, не русопята, не гробок, не мовзолей, не пулемет, не трусоват. Для неё –

«Пушкин – имя

Благородное...»

В другом стихотворении «Петр и Пушкин» и в остальных стихотворениях М. Цветаевой показана трехугольная картина создана на основе контраста между царей – Петром и Николаем. Поэтом хочется показать поведения двух поколений. С одной стороны показываются А. Пушкин и его африканский предок Ибрагим, арап Петра великого и с другой стороны —царь Николай, предок которого был Петр великий. М. Цветаева пишет:

Был негр ему истинным сыном,

Так истинным правнуком – ты

Останешься, Заговор равных,

¹⁹ Орлов Вл., Св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981.

И вот, не спросясь повитух,

Гигантова крестника правнук

Петров унаследовал дух.

И шаг, и светлейший из светлых

Взгляд, коим поныне светла...

Последный – посмертный – бессмертный

Подарок России – Петра»

(Петр и Пушкин)

«Стихи к Пушкину» являются результатом большого труда М. Цветаевой. Она читала произведения не только самого А. Пушкина, но и других критиков. Огромное впечатление произвели на неё работы В.В. Вересаева («Пушкин В Жизнь») и П.Е. Щеголева («Дуэль и смерть Пушкина»). И в том и в другом авторе, каждый из которых собрал колоссальный биографический и облигающий эпоху материал, она нашла себе единомышленников; можно сказать, что книги Вересаева и Щеголева вдохновили М. Цветаеву на замысел – дать «своего» А. Пушкина, редко и бескомпромиссно – ответить тем «пушкинянцам», которые стремились «обескровить» облик великого

поэта, а также сгладить его трагическую судьбу и тем самым оправдать всех повинных в ней.²⁰

В стихотворениях М. Цветаевой о А. Пушкине, каждая строфа относится либо к жизненным событиям А. Пушкина, либо к тому что он написал. Например, если берём стихотворение «Бич хандармов, бог студентов...», то мы видим – «Две ноги свои – позреться – вытянувший» - это во время аудиенции, данной Николаем I вернувшемуся из ссылки Пушкину. «Небо Африки – своим звавший, - невское – проклятым» - имеется в виду строка из «Евгения Онегина»: «Под небом Африки моей»: в письме к П.А. Вяземскому от 27 мая 1826 года А. Пушкин говорит о «проклятой России», в которой он вынужден сидеть «на привязи», ибо царь не разрешал ему покидать пределы страны. «Всех румяней и смуглее» – измененная строка из пушкинской «сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». «Трусоват был Ваня бедный» – стихотворение Пушкина «Вурдалак». Кроме этого есть строфы из произведениях других поэтов обращенных к А. Пушкину, как из цикла Б. Пастернака «Темы и вариаций», она берет «Голубей олив... лоб».²¹

Так же как первое стихотворение цикла, у «Петра и Пушкина» есть своя история. В этом стихотворении М. Цветаева показывает отношения между Петром великим и его арапом Ганнивалом и между Пушкинным и царём Николаем. Та же тема развивается в стихотворениях «Преодоление...», «Потусторонним...» и «Нет, бил барабан перед смутным полком». М. Цветаева всегда постарается

20 Сб. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 203-204.

21 Там же, стр. 203-204.

подчеркнуть что нельзя ограничить А. Пушкина, он вне всякого ограничения.

Выходит, по М. Цветаевой, что «пушкинянцы» пытаются сделать из Пушкина пугало для независимых поэтов, идущих дорогой поиска и изобретения («соловьев слова», «соколов полета»). Во всяком случае, говоря за себя и о себе, М. Цветаева настаивает на своём кровном родстве именно с Пушкинным. В четвертом стихотворении цикла пушкинский стиль, пушкинская поэтика, характеризуются резко экспрессивными образами, в наибольшей степени отвечающими существу и характеру бурной, исполненной огня и движения поэзии М. Цветаевой. Пушкинский стиль здесь объясняется через такие понятия как мускульная сила, полет, бег, борьба, лиенье коненного сердца, соревнование весла с морским валом.²²

Так М. Цветаева создаёт не только свой пушкинский образ, но и делает из Пушкина орудие своей борьбы за обновление поэзии. Её позиция совершенно ясно:

«Пушкинскую руку

Жму, а не лижу...»

Её отношение к Пушкину является кровно заинтересованным и совершенно свободным, «как к единомышленнику, товарищу по

22 Орлов, Вл., Св. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 10.

мастерской». Ей ведомы и понятны все тайны пушкинского ремесла – каждая его скобка, каждая описка; она знает цену каждой его остраты, каждого его слова. В это задание она вкладывает свое личное «лирическое» содержание. Ей пришлось получить упреки от других авторов из среды белоэмигрантских для затрудненности и сложности её стихотворной речи. Но, подобного рода упреки не смущали Цветаеву. Она отвечала так называемым о пушкинщикам» нескучаясь на оценки («то-то к пушкинским избушкам лепитесь, что сами – хлам!»), и брала А. Пушкина себе в союзники.²³

Пушкинным не бейте!

Ибо бью вас – им! (Станок)

Думая и говоря о гении А. Пушкина и о его роли в русской жизни и русской культуре, М. Цветаева была за одно с А. Блоком и Б. Маяковским. Она прямо вторит А. Блоку, когда говорит: «Пушкин дружбы, Пушкин брака, Пушкин бунта, Пушкин трона, Пушкин света, Пушкин няни, Пушкин «Гаврилиады», Пушкин церкви, Пушкин – бесчисленности своих ликов и облучий _ всё это спяно и держится в нём одним: поэтом («Наталя Гончарова»). Но, ближе всего она к Б. Маяковскому с его яростным любовным признанием? «Я люблю вас, но живого, а не мужию».²⁴ И так для М. Цветаевой А. Пушкин является единомышленником и старшим братом по перу.

²³ Орлов, Вл., Сб. «Мой Пушкин», Москва, Советский Писатель, 1981, стр. 10.

²⁴ Там же, стр. 7

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе нашей работы над проблемой восприятия М. Цветаевой личности и творчества А. Пушкина, мы исходили из изучения её произведений о А. Пушкине. Мы также изучали произведения других специалистов по А. Пушкину. Кроме этого мы рассмотрели работы учёных о М. Цветаевой. Всё это позволяет нам сделать вывод, что оценка М. Цветаевой А. Пушкина в своей сущности отличается от критиков – исследователей, и это творчество М. Цветаевой, отличие, как раз определяет своеобразие цветаевского восприятия.

В работах М. Цветаевой проявляется свежесть и новаторство её идей, которые в многом расходятся с установленным и распространенным взглядом на А. Пушкина. В оценке А. Пушкина она применяет совершенно новые поэты, критерии к изучению творчества.

В первой главе нашей работы изучение восприятия личности и творчества А. Пушкина осуществлено на основе произведения М. Цветаевой «Мой Пушкин». При изучении этого произведения перед нами появляются новые величины восприятия человека и поэта. В этой работе М. Цветаева воспринимает А. Пушкина как четырёхлетнюю девушку и как поэт. Перед ней мы видим совершенно новые грани восприятия. Образ А. Пушкина создаётся художником – поэтом М. Цветаевой разносторонностью её восприятия. Напрямую, как она видит картину Наумова, как она видит произведение А. Пушкина как она видит памятник А. Пушкину, как она видит сына А. Пушкина. Кроме этого и маленькая девочка и зрелая поэтесса видят А. Пушкина. А. Пушкин в одиноковой мере становится

привлекательной фигурой как для маленькой девочки так для зрелой поэтессы М. Цветаевой.

Во второй главе расширяется восприятие М. Цветаевой А. Пушкина. Тут она сосредотачивает своё внимание на произведения А. Пушкина. В её работе «Пушкин и Пугачёв» обсуждаются особенности исторического сознания и художественного мышления А. Пушкина. В этой главе мы постарались сопоставить два пушкинские произведения «История Пугачева» и «Капитанская Дочка». На основе рассмотрения этих особенностей – мы пришли к выводу, что художники более способны постигнуть в тайны творчества чем критики. Цветаевское изучение пушкинских произведений отличается от исследований выдающихся ученых - критиков А. Пушкина тем, что она сама как будто становится свидетельницей времени А. Пушкина, соучастницей его судьбы.

Рассмотрение стихов посвященных А. Пушкину ещё раз подтверждает, что лирика – это система речи, обусловлена стоящим за ней переживанием, состоянием характера лирического героя. Она создаёт его целостный образ, т.е. живое изображение определенного момента духовной человеческой жизни.¹ Через свои стихотворения

¹ Л.И. Тимофев, Основы Теории Литературы, Москва, (Просвещение», 1976, стр. 366.

М. Цветаева создаёт тот пушкинский образ, который является орудием её борьбы за обновление поэзии.

И так изучение особенности восприятия поэтического гения XIX века как А. Пушкина одной из самых талантливых поэтических личностей I-ой половины XX-ого века не может не обогатить наше представление не только о самой М. Цветаевой, но и о А. Пушкине. Оценка идейно-художественного вклада А. Пушкина может оставаться неполной без учёта цветаевского образа А. Пушкина. В этой работе нами как раз сделана скромная попытка определить историческое значение взглядов М. Цветаевой на жизнь и творчество А. Пушкина.

БИБЛИОГРАФИЯ

Первоисточники:

1. Пушкин, А.С. - Полное собрание сочинений, Том VI, Государственное издательство художественной Литературы, Москва, 1950
2. Пушкин, А.С. - Избранные произведения, Издательство (детская литература), Москва, 1969.
3. Цветаева, М. - Сочинения, Том II, Минск, «Народная Асвета», 1988.
4. Цветаева, М. - Мой Пушкин, Москва, Советский Писатель, 1981.
5. Цветаева, М. - Сочинения, Том I и II, «художественная литература», Москва, 1984.

Книги и статьи на русском языке

1. Волков, Генрих – Мир Пушкина, Москва, «Молодая Гвардия», 1989.
2. Бродский Н.Л. - А.С. Пушкин, Биография, Государственное Издательство «художественная литература», Москва, 1937.
3. Евтушенко, Е. - Стихотворения, Поэмы, Драматические произведения М. Цветаевой, Москва, «художественная литература», 1990.
4. Измайлов, Н.В. - Очерк творчества Пушкина, Издательство «наука», Ленинградское Издание, Ленинград, 1975.
5. Кулешов, В.И. - История русской литературы X-XX века, Москва, «Русский язык», 1989.
6. Лосская, В. - Марина Цветаева «в жизни», Нью-Йорк, Эрмитаж, 1989.

7. Маймин, Е.А. - Пушкин: жизнь и творчество, Издательство «наука», Москва, 1981.
8. Макогоненко, Г.П. - Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833-1836), Ленинград «художественная литература», Ленинградское отделение, 1982.
9. Михайлов, Ал. - О Марине Цветаевой, Стихотворения М. Цветаевы, Издательство «детская литература», 1986.
10. Павловский, А. - Куст рябины, Советский Писатель, Ленинградское отделение, 1989.
11. Петров, С.М. - А.С. Пушкин – Очерк жизни и творчества, «Просвещение», Москва, 1973.
12. Петрушина, Н.Н. и Фридлиндер, Г.М. - Над страницами Пушкина, Издательство «наука», Ленинградское отделение, Ленинград, 1974.
13. Саакянц, А. - Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества (1910-22), Советский Писатель, Москва, 1986.
14. Соколов, А.Н. - История русской литературы XIX века, Издательство Московского Университета, Москва, 1965.
15. Тимофеев, Л.И. - Основы Теории литературы, Москва, «Просвещение», 1976.
16. Цветаева, А. - Воспоминания, Советский Писатель, Москва, 1984.
17. Швейцер, В. - Быт и бытие Марины Цветаевой, Москва, СП ИНТЕРПРИНТ, 1992.
18. Эфрон, А. - О Марине Цветаевой, Советский Писатель, Москва, 1989.

КНИГИ И СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

19. Allen, Elizabeth Cheresch and Morson – Freedom and Responsibility in Russian Literature, NorthWestern University Press, Evanston, Illinois, 1995
20. Bayley, John – Pushkin: A comparative commentary, Cambridge University Press, 1971.
21. Brown, Edward, J.- Russian Literature since the Revolution, Harvard University Press, London, England, 1982.
22. Debreczeny, Paul – Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture, Stanford University Press, Stanford, Australia.
23. Edel, Leon – Psychoanalysis and creative arts, Modern Psychoanalysis, Ed. by Judel Mormor, Basic Books Inc., New York/London, 1968
24. Kelly, Catriona, Makin, Michel & Shepherd, David – Discontinuous Discourses in Modern Russian Literature, St. Martin's Press, New York, 1989.
25. Kelly, Catriona – A History of Russian Women's Writing (1820-1992), Clarendon Press, Oxford, 1994.
26. Lindstrom, Thais S. - A Concise History of Russian Literature, vol.2, New York University Press, New York, 1978.
27. Moser, Charles A. - The Cambridge History Of Russian Literature, Cambridge University Press, 1989.
28. Pushkin, A. S. – Selected Works, vol.2, Raduga Publishers, Moscow, 1985.